

Александр Симатов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Второе сентября Всеволода Чаплина

Александр Симатов

Второе сентября
Всеволода Цапина

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Симатов А. В.

Второе сентября Всеволода Цаплина / А. В. Симатов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Главный герой антиутопии «Второе сентября Всеволода Цаплина» проживает свой необычный день в 2041 году и ближе к ночи делает удивительное открытие, что любовь – последнее прибежище нормального человека в ненормальной стране. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1	6
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Любовь – последнее прибежище нормального человека в ненормальной стране

1

Они с Анжелой мчались в открытой машине вдоль берега океана. Океан был беспокоен: пенился, бурлил, одну за другой гнал к берегу настырные волны и безжалостно разбивал их о прибрежные скалы. До Севы долетали соленые брызги – дорога пролегла совсем близко от воды. Стоящие у дороги коренастые пальмы приветствовали их, склоняя зеленые опухавшие так низко, что можно было дотронуться до кончиков острых листьев. Ветер трепал блестящие на солнце медно-красные волосы Анжелы. Она выглядела превосходно, он любовался ею. Газовый шарфик норовил сорваться у нее с шеи, она придерживала его рукой. Они смеялись по каждому пустяку. Они предчувствовали счастливое событие в конце пути. Неожиданно со стороны океана налетели чайки и принялись носиться над кабриолетом. Этот крикливый эскорт появился совсем некстати, испортил чудесную поездку. «Наверное, из-за нашего громкого смеха», – решил Сева. Он посадил Анжелу за руль, а сам поехал стоя, размахивая над головой пиджаком, как пропеллером. Его попытки отогнать чаек ни к чему не привели, чайки совсем обнаглели и норовили пролететь как можно ближе к ветровому стеклу.

В какие края они с Анжелой так спешили? Какой сюрприз ожидал их там? Что за событие? Этого Сева узнать не успел: назойливые чайки так же неожиданно исчезли, как и появились, и нашего героя разбудило странное многоголосие за окном.

С сожалением завершив путешествие по побережью неизвестного океана, он открыл глаза и прислушался, гадая, откуда возле его дома могла взяться галдящая толпа. Но ничего так и не понял. Будильник не звонил, значит, было еще рано. Вставать не хотелось. Привычным движением смахнул Чайнафон с тумбочки на постель. Телефон очнулся от спячки, и Сева с удовольствием вдохнул запах ландышей.

Достижения Поднебесной в области телефонии напомнили ему, что Анжела очень любит земляничный запах. И что, по слухам, в его компании согласовали на днях сумму взятки, и таможенники обещали передать им партию парфюмерной эссенции. Если партия поступит вовремя, они опередят конкурентов. Но Севу радовало нечто другое: новая эссенция впервые давала возможность воспроизвести запах земляники. Он улыбнулся своему нехитрому плану, представив, как незаметно умыкнет у Анжелы Чайнафон, вставит в него капсулу с эссенцией и затем настроит свой номер в ее контактах на земляничный запах. А позже случится маленькое чудо: он позвонит ей поздним вечером пожелать спокойной ночи, Анжела возьмет телефон, ответит, как всегда, немного нараспев «алло-о-о» – и окажется в земляничном облаке.

Вспомнив, что капсула с новой эссенцией будет стоить треть его зарплаты, Сева перестал улыбаться, вздохнул и взглянул на экран телефона, узнать, который час. «Понедельник, 2 сентября 2041 года. 8.00». И в следующий миг, подтверждая правильность указанной даты и времени, шум и гам за окном утихли и торжественно-тревожный, пугающий своей напористостью голос призвал на помощь все население района: «Това-а-а-рищи!» – будто началась война.

«Вот оно что! – чертыхнулся Всеволод, узнав голос директрисы. – Сейчас двинет тошнотворную речь и замучает лозунгами, – подумал он, живо представил первоклашек с испуганными глазами, и ему стало их жалко. – Военрук-политрук, кличка «Сморчок», главнокомандующий метр с кепкой, – следом вспомнил он мужа директрисы. – До сих пор, наверное, дрессирует школьников на плацу, если не спился».

Вспомнив военрука, Сева не мог не вспомнить и Витьку Крепова: они всплывали в его памяти всегда только вместе – два виновника одного события. Рот у Севы непроизвольно растянулся в улыбке. Времени было достаточно, он закрыл глаза и укрылся одеялом.

Витька Крепов появился у них в одиннадцатом после зимних каникул. Они так стремительно с ним сошлись, будто им в жизни только друг друга и не хватало. Витька оказался редким раздолбаем, даже по меркам Севиного класса, поскорее выпустить который мечтали все учителя школы. Кто его знает, как он додумался до этой выходки. У него отец был военным, может, травил веселые байки, а Витька запомнил.

В тот погожий апрельский день, когда на тополях школьного парка вот-вот должны были распуститься первые листья и, облепив пока еще голые кусты жасмина и шиповника, от весеннего тепла с ума воробы, на плацу внутреннего двора их класс отрабатывал приветствие воинского начальника. Сморчок стоял перед замершим строем одиннадцатого «Б» и хмурил мохнатые брови, подчеркивая важность и торжественность момента. Со щелчком сдвинув вместе каблуки сапог, будто подстегнув себя шпорами, он в очередной раз (предыдущие попытки ему не понравились, «отвечали недружно, без молодецкого задора») прокричал что есть мочи: «Здравствуйте, товарищи!» От натуги мешки у него под глазами набухли кровью, обвисшая физиономия побурела до цвета гнилого томата. В ответ на приветствие класс рывкнул, как предписывал устав: «Здравия желаем, товарищ военрук!» После этого Сморчок должен был прокричать: «Поздравляю вас с... чем-нибудь» – для разнообразия он обычно менял основание для восторга учеников, вспоминая славные страницы истории страны со времен Владимира Крестителя. Но в тот злосчастный день его неудачно заклинило на одном и том же, и три раза подряд он поздравлял с прошлогодним единодушным подтверждением выбора верховного мыслителя, сделанного народом в 2018 году. Готовясь к четвертой попытке, Сморчок набрал полные легкие воздуха, но из последней шеренги его на мгновение опередил Витька, раскатисто заоравший вдруг во всю глотку: «Кто на плацу насра-а-ал?!» – так, что задрожали стекла в огромных окнах спортзала. И в бетонном колодце, образованном зданием школы, понеслась отражаться от стен концовка Витькиного вопроса: «Насра-а-ал... насра-а-ал...» Класс сначала вздрогнул от неожиданности, потом дружно загоготал, а затем в шальной радости выдал троекратное протяжное «Ура-а-а!..»

От «восторга» учеников Сморчка едва не хватил кондратий. Он некоторое время стоял с выпученными глазами и раззявленным от изумления ртом, не понимая, что ему делать с набранным в легкие воздухом. А полчаса спустя в кабинете директрисы Витьку начали пытаться на предмет наличия в классе подпольной вредительской организации. Позже к этому делу подключился товарищ из госбезопасности, курирующий школу. Но Витька молчал – говорить было не о чем. Взбешенный единственной фразой «так получилось», которую Витька смог выдать из себя, и воспринявший ее как откровенную наглость военрук после консультаций с гэбэшником рекомендовал педсовету школы направить Витьку на год в трудовую колонию на перевоспитание. Худшего варианта придумать было невозможно.

Спасти Витьку от колонии удалось лишь благодаря стараниям его отца. Отец неделю водил Сморчка и куратора от ГБ по кабакам, где они напивались за нерушимость воинского братства. Дело удалось замять, и виновной в «антигражданском, можно сказать, вражеском» поступке Витьки назначили предыдущую школу («не справилась с воспитанием»). Ну и Витькиным родителям досталось: отцу задержали присвоение очередного воинского звания; мать, работающую на оборонном заводе, лишили квартальной премии.

Появляясь дома после очередной пьянки с военруком и гэбэшником, отец нещадно порол сына, приговаривая: «Будешь знать, контра!» Отец был десантником, а Витька – хиляком, и потому дать отпор родителю он не мог. Больше недели Витька не появлялся в школе; мать принесла справку, что он болен.

По вечерам в подъезде хрущобы под снос, где они обычно тусовались, Витька показывал Севе свою развороченную задницу. Он спускал штаны, наклонялся к ржавой обоссанной батарее и боязливо интересовался: «Ну как там?» Сева в потемках щелкал зажигалкой и, каждый

раз волнуясь, осторожно подносил пламя к Витькиной голой жопе. После в ужасе рассматривал ее, мысленно примеряя судьбу Витькиной жопы на свою и чувствуя при этом, как собственная жопа начинает потеть и липнуть к трусам. Закончив обследование, честно докладывал другу об ухудшении состояния его задницы по сравнению с предыдущими днями. Задница действительно была раскромсана в лоскуты, после офицерской портупей с пряжкой по-другому и быть не могло. Один раз Витька не выдержал, уткнулся Севе в плечо и заплакал от жгучей обиды и боли. Жаловался, давясь слезами, что ест стоя («лежа на животе хуже получается, лежа хер что проглотить») и не может сидеть на унитазе и что «даже на боку больно спать». Клялся батю убить. Сева как мог успокаивал Витьку и отговаривал от задуманного.

Позже, когда страсти улеглись и Витькина задница зажила, они как-то сидели в том же подъезде на лестничной площадке, привалившись к стене, курили и бухали крымский портвешок. Для усиления кайфа курили особым образом: отрывали от сигареты фильтр, раскуривали ее, а затем делали из рук домик и между мизинцами зажимали сигарету с тлеющим концом внутри. После плотно припадали губами к щели между большими пальцами и с силой тянули в себя из домика табачный дым вместе с воздухом так долго, насколько хватало легких, – шараяло моментально.

«Витек, а зачем ты тогда на плацу заорал?» – спросил Сева. «Тошнило меня от всего этого, – признался Витька. – Сколько можно было над нами издеваться? Не мог я не заорать, понимаешь?» Сева таращил глаза и не понимал. «Как тебе объяснить... Ну, когда трахаешься, в какой-то момент уже не можешь сдерживать себя – так ведь?» – «Ну, так». – «И на плацу то же самое случилось, ни фигя не мог с собой сделать». – «Крепыш, ты чудило», – с восхищением заключил Сева. Про траханье он все понял, а вот зачем Витька заорал на плацу – до него так и не дошло. Но дальше с вопросами приставать не стал, его волновало нечто куда более важное.

«Крепыш, знаешь... – Сева не решался начать. – Меня вчера директриса пригласила к себе в кабинет поговорить, – сознался, наконец, он и глотнул поила из горлышка. – Предложила подумать». Витька дернул головой в его сторону: «По мою душу?» – «Ну да. «Вы же друзья». Бойтся, как бы ты еще чего не отмочил».

После беседы с директрисой Севу не покидало мерзкое ощущение, что, не дав своего согласия на «сотрудничество», он тем не менее сподличал, коли сразу не послал ее, а позволил втянуть себя в переговоры. Это ощущение угнетало его, противно было осознавать свое малодушие и трусость. Для него было важно, что скажет Витька, но тот молчал. Чтобы чем-то занять себя, Сева достал из кармана монету и принялся соскабливать с бутылки этикетку.

Ему хотелось выговориться, и Витькино молчание начало его раздражать. Он передразнил директрису, пытаясь копировать ее интонации: «Если моего авторитета тебе недостаточно, можно товарища из органов подключить». – «И как ты? Ссучился?» – без интереса откликнулся Витька, будто речь шла о сущем пустяке. Сева перестал елозить железом по стеклу. Его неприятно задел не только сам вопрос, но и безразличие, с которым Витька его задал. «А в рыло не хочешь?» – пригрозил он. Витька ничего не ответил, вставил сигарету в домик и затянулся, потом сразу еще раз. Его хорошо приклеило, и он закинул голову назад. Сева вытащил у него сигарету из рук и тоже нагрузился.

«Ты же в связь намылился, – очнувшись, напомнил Витька. – Испортят тебе объективку – пастухом никуда не возьмут. И аттестат тебе нужен приличный. Мне-то все равно, волчий билет обеспечен». Витька, конечно, догадывался, что происходило у Севы в душе, и, как будто специально, искушал друга подлым, но удобным выбором. Сева нервно сплюнул и с остервенением растер плевок кедом.

Он не будет стучать на друга, он это знал, но и отказ от института казался ему невероятным вариантом. Как выбраться из этого мерзкого тупика, в который его загнала директриса? Этот вопрос изводил Севу, не давая покоя. За один день он возненавидел директрису больше, чем за все годы учебы в школе. Ему даже казалось: обойдись убийство директрисы для него

без последствий – убил бы не задумываясь. Спросил Витьку просто так, от безысходности, не рассчитывая на ответ: «Что предлагаешь? Писать на тебя бумажки?» Но Витька откликнулся сразу: «А что? Не ссы, пиши всякую херню. Напиши, что по вечерам мы с тобой разбираем характеры, как их, целинников Шолоха. Типа к сочинению готовимся, – Витька едва смог договорить, заржал и закашлялся. – Или играем в этот, как его, ну, китайцы в него рубятся». – «В бадминтон, что ли?» – «Ну да, через сетку, как профи. Напиши – в сборную хотим попасть. Защищать честь родины от китайцев», – добавил Витька и снова заржал.

От Витькиной безбашенности Севе стало вдруг весело и легко, напряжение спало. Взглянув на захомящегося в хохоте друга, подумал, что Витька, должно быть, испытал сумасшедший кайф от своей выходки на плацу. Еле сдерживая смех, он толкнул его в плечо: «Крепыш! Напишу, что под пытками ты признался мне, что твоя самая любимая телепередача – программа «Время». Пьяные и дурные, они повалились на пол и залились безудержным смехом. Их надрывный хохот еще долго носился по пустой пятиэтажке, пока не вылетел на свободу в зияющие чернотой оконные проемы.

Своим пофигизмом Витька помог Севе разрешить мучившую его проблему. Найдя взаимопонимание с другом и получив моральную поддержку, Сева каждый понедельник стал приносить директрисе по одному тетрадному листу, так – отписки, ничего особенного; листы нарочно прежде показывал Витьке, и Витька-редактор под их дружный хохот давал ценные указания по поводу отчетов о собственном поведении.

А вскоре после выпуска Севе пришлось узнать, что в жизни не все так просто и что «своих» госбезопасность действительно не бросает: Севина «покладистость» не осталась незамеченной, аукнулась ему в институте. Тамошний куратор предложил Севе продолжить школьную практику теперь уже в отношении его студенческой группы. При этом напирал на сложность международной обстановки и вражеские спецслужбы, окопавшиеся повсюду. Объясняя Севе, что значит «повсюду», гэбэшник крутанул глобус, стоящий у него на столе, и затем затормозил его, уперев палец в гладкую поверхность океанов и материков: «Вот буквально – куда ни ткни!» – «Что, и в Кремле тоже?» – не удержавшись, спросил Сева и сделал озабоченное лицо. «Надо будет – и там найдем», – не моргнув глазом ответил гэбэшник.

Сева тогда не решился сразу – без предварительных объяснений – послать посланника государства в жопу, хотя предыдущий опыт подсказывал ему, что только так и надо поступать, если не хочешь увязнуть в этом дерьме. Пришлось Севе целый семестр косить под дурачка и отнекиваться, пока его не оставили в покое. Перед расставанием, еще на что-то рассчитывая, дешево брали на понт: «Писульки ваши школьные мы вынуждены будем показать Крепову Виктору Сергеевичу. Но можно этого избежать». – «Давай, сука гэбэшная, найди мне его, я тебе только спасибо скажу», – думал про себя Сева, глядя на вербовщика непонимающими глазами. Окончательно убедившись в Севиней несговорчивости, не преминули заметить, что «вы разочаровали» и что «это опрометчиво с вашей стороны».

За найденного друга Сева на самом деле сказал бы гэбэшнику спасибо, потому что после школы Витька Крепов пропал, то есть совсем пропал. Получил в нагрузку к дерьмовому аттестату дерьмовую характеристику – и исчез. Сева потом вспоминал, как во время выпускного вечера они с Витькой лежали за кустами в дальнем углу школьного парка и Витька рассказывал заплетающимся языком, что бату ненавидит, жить с ним все равно не будет и уйдет из дома. «Он за свою сраную звездочку готов был меня искалечить. Это отец? – все возвращался он к одному и тому же вопросу. – Скажи – это отец?» Они были пьяны. Севу тошнило, и он тогда не обратил внимания на слова друга. А через день не смог до него дозвониться. И через два дня, и через неделю. И мать его ничего толком сказать не могла.

С тех пор прошло двенадцать лет...

2

Всеволод открыл глаза.

«...гораздо лучше, но это вовсе не означает, дорогие товарищи, что мы можем с вами расслабиться – ни в коем случае! Мирное время дано нам для того, чтобы мы еще сильнее окрепли и сплотились вокруг прозорливого руководства нашей страны и ее верховного мыслителя...» – настойчиво несло со двора.

«Что-то нашего старца давно не показывали по ящику», – отметил про себя Всеволод, встал с постели и подошел к окну.

Севин дом и школу разделяла лишь волейбольная площадка, так что он хорошо все видел. Уперев жирно покрашенный рот в головку микрофона, директриса стояла на школьном крыльце, глыбой возвышаясь над окружавшей ее толпой, и в ключевые моменты своей речи потряхивала крашеными буклями. «Здорово постарела, но про будущую счастливую жизнь травит с прежним энтузиазмом», – подумал Сева и закрыл форточку. Школьный двор пестрел яркими красками шаров, бантов, цветов, флагов и плакатов. Впрочем, флаги и плакаты были исключительно красными. Внутреннюю сторону «подковы», образованной толпой школьников и их родителей, ограничивала шеренга первоклассников, с трудом удерживающих огромные букеты; первоклашки держали цветы, плотно обхватив их руками и прижав к груди, из-за цветов едва выглядывали их испуганные, растерянные лица.

Снова пожалев малышей, Сева убрал постель, сложил диван и прошел в ванную комнату. Потом в кухне поставил чайник на плиту, вернулся в спальню, включил ТВ и стал одеваться, поглядывая на экран.

По сцене, уставленной по периметру трюмо с овальными зеркалами, мужчины тащили молодую женщину. Женщина сопротивлялась и страшно ругалась. Но мужчин было много, и они справились с ней. Привязали ее к стулу и вылили ей на голову из ведра что-то похожее на клейстер. «Бабушка в деревне мазала таким бумагу и заклеивала окна на зиму», – пока еще ничего не понимая и заинтересовавшись происходящим, подумал Сева. Женщина визжала и отчаянно крутила головой, пытаясь стряхнуть с лица липкую дрянь, а мужчины вокруг куражились. «Пытки? Шпионка, что ли?» – подумал Сева и добавил громкости.

Через минуту он понял, что ошибся. Мужчины были борцами с эмансипацией и прочими отклонениями от норм, установленных Министерством культуры и общественного поведения. Они вычислили главную лесбийскую феминистку города, ворвались в салон красоты, которым она заведовала, и облили ее спермой, заставляя отречься от бредовых убеждений и порочных наклонностей. У мужчин были расстегнуты ширинки, из них свисали набитые чем-то матерчатые мешочки. И только у лысого дьяка на черной рясе ниже пояса золотом был вышит православный крест.

Мужчины кружились вокруг феминистки в хороводе, трясли своими мешками и кричали, толкаясь, перебивая друг друга и стараясь заглянуть женщине в лицо.

– Природу решили переделать, твари?! – противно визжал интеллигент в роговых очках, с козлиной эспаньолкой.

– Не одумаешься – на куски порубаю! – грозился казачий хорунжий, размахивая шашкой и позвякивая двумя рядами медалек.

– Небось по ночам рукой себе наярываешь, дура?! – орал прыщавый ирокез, подрыгивая худыми ногами.

– А ты подумала, сука, кто солдат рожать будет?! – рявкал военный в камуфляже и с блестящей кокардой во лбу.

– Давай ее трахнем, пускай порадуетя немного, – бесновался некто в рабочей блузе, демонстрируя металлические фиксы.

– Не, не надо, это статья, – образумливал его солидный товарищ в галстуке и лакированных туфлях. – А вот груди мы ей намнем!

– Скоты вонючие! – отплевываясь, материлась феминистка. – Попробуйте только тронуть, пооткусываю все!

И лишь дьячок не произносил ни звука. Он стоял чуть в стороне, потупив очи долу, перебирал то четки, то курчавую бороду и отбивал щепотью где-то промеж грудей мелкие кресты.

– Мы показали вам короткую сцену из спектакля «Дорога к истокам», снятую во время генерального просмотра. Режиссер спектакля товарищ Посконников сегодня гость нашей студии, – объявила ведущая Культурного канала, неприятно худая девица.

Камера показала режиссера крупным планом, и он в знак приветствия церемонно кивнул.

– Скажите, пожалуйста, – обратилась ведущая к режиссеру, утонувшему в глубоком кресле, – эта сцена... – она задумалась, подбирая слово. – Это ведь кульминация всей пьесы, не так ли?

– Вы совершенно правы, – легко согласился режиссер, покачивая ногой. – Эта сцена – квинтэссенция всего спектакля, она вскрывает саму суть конфликта мужского и женского начал в современном обществе. Если вы успели заметить, в этой сцене представлены все срезы, так сказать, мужской части населения, все характерные представители...

Засвистел чайник на плите. Сева сходил в кухню, заварил чай, сделал бутерброд с колбасой и вернулся к телевизору.

– Что касается дьякона, не могли бы вы пояснить будущим зрителям сценический язык, с помощью которого вы раскрываете его образ, – попросила ведущая.

– Вы понимаете, – прогнусавил режиссер, – как вам сказать...

Он снял затемненные очки, вставил в рот дужку и привычно обхватил ее красивыми губами. Но этого оказалось недостаточно, он по-прежнему молчал – мысль не шла к нему. Тогда он завертел глазами и захлопал длинными ресницами, выискивая причину дискомфорта, пока не обнаружил ножку микрофона, торчащую у него из-за шеи, и не потрогал ее рукой.

Севе стало интересно, когда же он, наконец, родит. Сева даже перестал жевать бутерброд.

– Вот как я вам отвечу, – приступил к родам Посконников. – Золотой крест на соответствующем месте рясы дает понять неискушенному зрителю, что дьякон как человек божий находится с этим делом... как бы это сказать... в завязке. Я специально поставил его в стороне от активной, если так можно выразиться, группы мужчин. Это показывает, что как человек культа он не одобряет творящегося в его присутствии действия.

– А в принципе он... – решила подсказать ведущая, желая поторопить мэтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.